

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1966 • № 1

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Горбанев Н.

Г.В. Плеханов о Толстом — мыслителе и художнике.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАД

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

BOOKS
RECEIVED

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1911

LIBRARY

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

15
- 67

Дом Пятигорск
№ 3129 - ОТТ
(ИВ.КМ.№2)

От лица читателей журнала и в их защиту с ответом Мережковскому выступил редактор «Вестника знания». Голословному утверждению писателя-эстета были противопоставлены цифры и факты, почерпнутые из книги А. А. Николаева «Хлеба и света», созданной на материале одной из анкет «Вестника знания» на тему «Что вы читаете». На вопрос анкеты «Назовите наиболее ценимых вами писателей в области литературы и науки» было получено 3068 ответов, из которых явствовало, что «вестникосланьевцы» как раз больше всего любят Льва Толстого, который получил 295 голосов. Вслед за ним следовали: Дарвин — 152 голоса, Андреев — 120, Бельше — 106, Горький — 93, Геккель — 91, Тургенев — 89, Бебель — 87, Достоевский — 84, Чехов — 77, Гоголь — 74 и т. д. Вербицкая вовсе не упоминалась, как не было среди ответов и ни одной фамилии прославленных авторов «сыщицкой» литературы. «Зато вы можете здесь видеть, — писал В. Битнер, — 52 голоса в пользу Маркса...»⁴⁰

Следует отметить, что В. И. Ленину была известна работа Маркса и Энгельса «Святое семейство» в издании «Вестника знания».⁴¹

Основываясь на данных анкеты, а также на наблюдениях А. Николаева и своих собственных, редактор «Вестника знания» делал вывод о глубине духовных запросов демократических читателей журнала, которых больше всего занимают проблемы естествознания, а в области литературы их внимание привлекают «старые русские классики» и писатели «с серьезным литературным прошлым».⁴² Поэтому сөветования Мережковского по поводу «одичания» демократии и «грядущего хамства» не могли ни в коей мере относиться к демократической аудитории «Вестника знания», которую Мережковский просто не знал и не хотел понять. «Вы нас не знаете... — писал В. Битнер, заканчивая свою отповедь Мережковскому. — Мы вас хорошо знаем, а потому проходим мимо... Мы идем из народа и несем ему же добытые нами крупицы знания из чтения Дарвинов, Марксов, Бюхнеров, Толстых и Геккелей, а вы сидите наверху, боясь спуститься вниз, потому что там воняет онучами и овчиной... Полноте, ваша песня спета... настал уже час расплаты. Неумолимый закон биологии, или, если хотите, истории требует обновления: сухое и гнилое погибает, служа удобрением для новых ростков жизни».⁴³

Мы не ставили перед собой задачу дать в данной статье исчерпывающую характеристику литературной политики «Вестника знания», а хотели лишь наметить тенденции, являвшиеся, по нашему мнению, ведущими — использование произведений литературы в качестве чисто агитационного материала, опора на творчество писателей-классиков, представителей революционно-демократической мысли в борьбе против направления «искусства для искусства», за гражданственность литературы. Высказывания самих читателей, их полемика, переписка с редактором журнала — один из путей, посредством которого осуществлялась тесная связь между редакцией и подписчиками журнала, чему сами они придавали громадное значение и что было одной из важнейших особенностей журнала, составляло его своеобразие.

Эта сторона деятельности «Вестника знания» была положительно оценена современниками. Яснее всего о значении объединения тысяч русских людей вокруг «Вестника знания» сказал Н. Рубакин в дни десятилетнего юбилея журнала: «Я приветствую „Вестник знания“... во-первых, как первый русский научный журнал, который нашел себе доступ в широкие круги читающей России, во-вторых, как такой журнал, который так сумел организовать свое общение с личностью читателя, как до него еще никто не умел. А это — заслуга, по нашему глубокому и искреннему убеждению, громадная».⁴⁴

Н. ГОРБАНЕВ

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ТОЛСТОМ — МЫСЛИТЕЛЕ И ХУДОЖНИКЕ

Вопрос о том, как решал Г. В. Плеханов проблему соотношения мысли и творчества Льва Толстого, уже не раз привлекал внимание исследователей. Давняя традиция изображает дело так, будто Плеханов, проводя грань между Толстым-мыслителем и Толстым-художником, делил мысль и творчество писателя на два самостоятельных потока, не имеющих между собой ничего общего, причем силу Толстого видел в его художественном творчестве, а слабость — в его мысли.

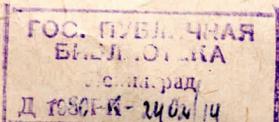
⁴⁰ Там же, 1913, 31 января, № 3—4, стр. 63.

⁴¹ См.: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 83.

⁴² «Неделя „Вестника знания“», 1913, 31 января, № 3—4, стр. 63.

⁴³ Там же, стр. 64.

⁴⁴ Н. Рубакин. По поводу юбилея «Вестника знания». «Неделя „Вестника знания“», 1913, № 1, 13 января, стр. 14.

«Плеханов резко отвергает Толстого-христианина, Толстого — мыслителя и проповедника и принимает Толстого-язычника, Толстого-художника. Именно этот смысл приобретает у Плеханова знаменитая формула „отсюда и досюда“, — писал в 1931 году Г. Ленобль в статье «Плеханов и Ленин о Толстом». По его словам, Плеханов разделил всю толстовскую деятельность «на две разноценные и ничего общего друг с другом не имеющие части».¹

Этой точки зрения в последнее время придерживались С. П. Бычков, М. А. Лифшиц, Б. И. Бурсов и другие исследователи и критики.²

Как могло произойти, что Плеханов, который вслед за Белинским рассматривал искусство как мышление в образах, который поправлял Л. Толстого (в «Письмах без адреса») как раз в том смысле, что искусство выражает не только чувства, но и мысли людей, — стал отделять «мировоззрение Толстого от его творчества непреходимой границей»?³ Что это — одно из тех бесчисленных противоречий, которых в статьях Плеханова о Толстом, как без тени юмора заметил один литературовед, не меньше, чем у самого Толстого,⁴ или просто результат поверхностного прочтения плехановских статей?

Неоднократные высказывания самого Плеханова (вроде: «Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем», «Я имею в виду Толстого-мыслителя, а не Толстого-художника» и т. п.) как будто подтверждают справедливость первого предположения. Но если исходить не из этих лапидарных формул (имевших в устах Плеханова совершенно определенное значение, отличающееся от общепринятого ныне), а из общего содержания и смысла статей о Льве Толстом, то придется признать, что принятое толкование плехановской точки зрения ошибочно по крайней мере в одном отношении. Проводя черту между Толстым-мыслителем и Толстым-художником, он вовсе не хотел сказать и не сказал, что мысль и творчество писателя никак не связаны между собой. И не этот смысл имеет формула «отсюда и досюда».

Как возникла эта формула и зачем Плеханову понадобилось отграничивать Толстого-мыслителя от Толстого-художника? И что, собственно, понимал Плеханов под словами «Толстой-мыслитель»?

Напомним в этой связи некоторые обстоятельства дела. Как известно, поводом для статьи «Отсюда и досюда», открывающей серию работ Плеханова 1910—1911 годов о Льве Толстом, послужил фельетон *Notunculus'a* (Д. И. Заславского) «Вразброд», в котором объявлялись сухими педантами и осуждались люди, любящие Толстого «отсюда досюда».⁵ Фельетон этот привлек внимание Плеханова не случайно. В нем выражалось характерное для «толстовских» дней 1908 и 1910 годов стремление многих публицистов и критиков принять «все» Толстого, без разграничения сильных и слабых сторон его деятельности.⁶

В дни юбилея 1908 года на таком подходе к Толстому настаивал, например, В. Кранихфельд. «По традиции, установленной Н. К. Михайловским, — говорил он в статье «От великого барина к великому мужику», — Толстого принято рассматривать как некоего двуличного Януса, одно лицо которого молитвенно обращено к небу, в то время как другое жадными глазами устремлено к греховным переживаниям земли. На самом деле это не так... Я не могу отделить в своем сознании Толстого-художника от Толстого-мыслителя, не могу мыслить этого необыкновенно цельного человека состоящим из двух, да к тому же еще и неравноценных половин».⁷

¹ «Молодая гвардия», 1931, № 13—14, стр. 124. См. также: Н. Глаголев. Ленин и Плеханов о Толстом. «На литературном посту», 1931, № 20—21, стр. 6.

² См.: С. П. Бычков. Толстой в оценке русской критики. В кн.: Л. Н. Толстой в русской критике. Гослитиздат, 1949, стр. XLIV—XLV; М. Лифшиц. По поводу статьи И. Видмара «Из дневника». «Новый мир», 1957, № 9, стр. 222; Б. И. Бурсов. Л. Н. Толстой. Семинарий. Учпедгиз, Л., 1963, стр. 367—368.

³ М. Кораллов. Роза Люксембург — литературный критик. В кн.: Роза Люксембург о литературе. Гослитиздат, М., 1961, стр. 48.

⁴ Н. Р. Верховь. Плеханов о Льве Толстом. «Труды Юго-Осетинского педагогического института», 1957, т. IV, стр. 79.

⁵ «Киевская мысль», 1910, № 311, 10 ноября.

⁶ Тот же *Notunculus* в предыдущем номере газеты писал: «Чем дорог был Толстой нам, живым современникам? Конечно, он был дорог и как художник, и как философ, и как моралист. Но он таким останется и для потомства» («Киевская мысль», 1910, № 310, 9 ноября, заметка «Великая мера»).

⁷ «Современный мир», 1908, № 9, стр. 192, 220—221. На такой же точке зрения, как и В. Кранихфельд, стоял Н. Иорданский в статье «Лев Толстой и современное общество», где, с одной стороны, утверждалось, что «ни мысль, ни чувство художника не делимы» и что «Толстой всегда был верен себе, писал ли он „Войну и мир“ или „Рабство нашего времени“, „Смерть Ивана Ильича“ или „В чем моя вера“, а с другой — Толстой изображался «сторонником социальной революции», а его учение относилось к числу «революционных по своему существу» доктрин. («Современный мир», 1910, № 12, отд. II, стр. 90, 101—102). См.

То же самое писал один из публицистов (В. Набоков) в дни после смерти Толстого: «До настоящего времени очень распространено мнение, отделяющее резкой чертой „шуйцу“ Толстого от его „десницы“, Толстого-моралиста от Толстого-художника. И если второму раздают единодушную хвалу и честь, то первого принимают лишь с отдельными оговорками. Между тем мировое значение Толстого — именно в этом неразделимом сочетании гениального художника и великого мыслителя, носителя высших, недостижимых нравственных идеалов».⁸

21 октября 1908 года приват-доцент Сперанский прочел в зале Тенишевского училища лекцию на тему: «Л. Н. Толстой как художник и мыслитель». «Лектор по преимуществу доказывал, — читаем в отчете, — что Толстой неделим, что Толстой-художник и Толстой-мыслитель шли все время нераздельно».⁹ Возражая тем, кому «кажется, что у Толстого наступил разлад художника и мыслителя», другой автор в юбилейной брошюре писал, что «между художником-Толстым и между Толстым-мыслителем по содержанию главных мотивов нет никакого разлада».¹⁰

А. В. Луначарский высказывает то же положение в статье «Смерть Толстого и молодая Европа»: «Толстой-художник не отделим от Толстого-мыслителя... Его художественные произведения все сплошь суть морально-философские трактаты».¹¹ На эту тему и почти в тех же словах и выражениях пишут А. Кадлубовский, Е. Колтоновская и многие другие.¹²

Эта тенденция, суть которой состояла в попытке «реабилитировать» самые слабые стороны учения Толстого, наметилась еще в 80-е годы.¹³ В 1908—1910 годах она уже имела всеобщий характер. В 1911 году один из обозревателей, имея в виду юбилейную и посмертную прессу, отмечал: «Отрицание шуйцы и десницы в жизни и мысли Толстого, провозглашенных и упреченных Н. К. Михайловским, — главный общий тон статей, у одних резко подчеркнутый, у других безмолвно признаваемый».¹⁴ На страницах петровской «Нашей зари» «почитай что марксист» В. Базаров с удовлетворением констатировал, что «наша интеллигенция... единодушно признала Толстого — всего Толстого — своей совестью».¹⁵

На этом фоне становится ясной позиция Плеханова. В противовес тем, кто ставил знак равенства между Толстым-художником и Толстым — мыслителем и публицистом (у Плеханова это синонимы), с явным или скрытым намерением возвеличить заслуги последнего, он разграничил эти две стороны деятельности писателя и выдвинул формулу «отсюда и досюда», означавшую не что иное, как неприятие наиболее утопических и реакционных черт толстовства.¹⁶

также обзор «Толстой в европейской печати», преувеличивающий значение философии Толстого, его религиозного учения и социального реформаторства. («Современный мир», 1910, № 12, отд. II, стр. 71—73).

Так подробно говорим о позиции этого журнала потому, что она явилась, видимо, одним из поводов для выступления Плеханова. Один из современников, вспоминая о жизни у Плеханова зимой 1910—1911 года в Сан-Ремо, пишет: «Плеханов был сильно раздражен, что марксисты поддались либеральным утверждениям, будто Л. Толстой является великим мыслителем, „Современный мир“ назвал его „учителем жизни“, „властителем дум“ и даже „святым“» (М. Бабин. Письмо в редакцию. «Группа „Освобождение труда“», сб. 2. Госиздат, М., 1924, стр. 356—357).

⁸ Последние дни Льва Николаевича Толстого. СПб., 1910, стр. 174—175.

⁹ «Известия Вольфа», 1908, № 11, стр. 159.

¹⁰ Азферт [М. А. Ашкинази?]. Делатель жизни (по поводу 80-летнего юбилея Л. Н. Толстого). Харьков, 1908, стр. 5—7.

¹¹ «Новая жизнь», 1911, № 21 (январь), стр. 219.

¹² См.: А. П. Кадлубовский. Художник и моралист в Л. Н. Толстом. Харьков, 1911, стр. 4; Е. А. Колтоновская. Критические этюды. СПб., 1912, стр. 224.

¹³ См.: Р. А. Дистерло. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист. СПб., 1887, стр. 41—43.

¹⁴ М. Морозов. Очерки новейшей литературы. СПб., 1911, стр. 223—224.

¹⁵ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 43.

¹⁶ Содержание этой формулы близко к тому, что писал Плеханов В. В. Водозову в конце июля 1908 года, отвечая на предложение принять участие в работе Комитета по организации чествования Л. Н. Толстого: «Я бесконечно высоко ставлю Л. Н. Толстого как художника, но я не хотел бы ни одним своим словом и ни одним своим действием дать русскому читателю повод думать, что я разделяю общественные взгляды нашего великого романиста. Вот почему лестное предложение, делаемое мне Вами от имени Вашего Комитета, могло бы быть принято мною лишь в том случае, если бы этот Комитет имел в виду чествовать Л. Н. Толстого именно как художника, а не как публициста» («Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI. Соцэргиз, М., 1938, стр. 392—393).

Это означало возвращение к традиции демократической критики 70—80-х годов — разграничивать в деятельности Толстого «десницу» и «шуйцу», т. е. сильные и слабые стороны, — к традиции, против которой в 1908—1910 годы единым фронтом выступили и либерально-буржуазные и псевдомарксистские критики и публицисты.

В первой же статье цикла «Отсюда и досюда» Плеханов пишет: «Прежде, скажем в эпоху покойного Н. Михайловского, Толстого любили передовые русские люди именно только „отсюда и досюда“. И это было гораздо лучше».¹⁷ Очевидно, что в данном случае он имел в виду не просто «эпоху» Н. Михайловского, но и знаменитую статью критика «Десница и шуйца Льва Толстого» (1875), в которой впервые была выдвинута и развернута мысль о противоречиях мировоззрения и творчества писателя, а также последующие статьи Михайловского («Еще о гр. Л. Н. Толстом» и «Опять о Толстом», 1886), содержавшие критику теории непротивления злу насилем. В другой работе, касаясь вопроса о различном отношении к проповеди Толстого в 1870—1880-е и в 1908—1910-е годы, Плеханов замечал: «Ему сперва возражают (Михайловский и др.), а потом перестают возражать и ограничиваются рукоплесканиями» (стр. 387).¹⁸

Но это не означало у Плеханова (как, впрочем, и у Михайловского)¹⁹ стремления отделить, обособить мысль писателя от его творчества, провести водораздел между ними. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что одни и те же — сильные и слабые — стороны взглядов, мировоззрения Толстого отразились (хотя и с разной силой) как в проповеди Толстого-мыслителя, так и в его художественном творчестве.

Доказательства этому — в каждой плехановской статье о Толстом. Приведем самые характерные.

В критическом этюде «Толстой и природа» (1908) Плеханов пишет, что индивидуализм Толстого «наложил глубочайшую печать как на его художественные произведения, так и, в особенности, на его публицистические взгляды» (стр. 367). В статье «Еще о Толстом» (1911) прямо сказано: «Религиозные искания великого художника наложили свою яркую печать на стремления Пьера Безухова в „Войне и мире“, а христианское пренебрежение к грешным „мирским“ интересам человечества выразилось в эгоистическом чудачестве Константина Левина в „Анне Карениной“» (стр. 427).

В повести «Холстомер» Плеханов находил отражение учения Толстого о собственности (стр. 395), в повести «Божеское и человеческое» — характерное для Толстого отрицательное отношение к революционному насилию и революционерам (стр. 361). «Толстой в таких своих произведениях, как „Смерть Ивана Ильича“ или „Хозяин и работник“, без всякого сомнения, хотел изложить те же самые взгляды, к которым он пришел, размышляя над „смыслом жизни“»,²⁰ — замечает Плеханов в работе «Н. Г. Чернышевский» (1909), имея в виду взгляды писателя, выраженные в его религиозно-философских трактатах.

Как не раз подчеркивает Плеханов, «уже в ранних произведениях Толстого очень нередко встречаются зародыши тех мыслей, из совокупности которых составилось впоследствии его нравственно-религиозное учение» (стр. 403, см. также стр. 416); так, религиозные воззрения и настроения молодого Толстого отразились в «Детстве» (стр. 427—429), а в «Юности» — одна из руководящих идей Толстого-моралиста о независимости счастья человека от «внешних причин» (стр. 416).

Проводивший грань между Толстым-художником и Толстым-мыслителем Плеханов решал вопрос о соотношении творчества и мысли писателя (если иметь в виду чисто теоретическую сторону дела) так же, в общем, как и те, кто твердил о «неделимости» Толстого. Но у последних тезис о «неделимости» служил, как правило, предлогом для идеализации толстовства. Плеханов, главной задачей которого была в данном случае борьба против толстовского учения, действительно

¹⁷ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II. Гослитиздат, М., 1958, стр. 369. Далее ссылки на этот том приводятся в тексте.

¹⁸ «Другие», упомянутые Плехановым, — это скорее всего Н. В. Шелгунов, воевавший с толстовской «философией застоя» и непротивления в своих критических работах и «Очерках русской жизни», и П. Л. Лавров, статья которого «Старые вопросы (учение графа Л. Н. Толстого)», напечатанная в «Вестнике Народной воли» в 1886 году, могла быть известна Плеханову.

¹⁹ Михайловский не разделял ходячей репутации Толстого «как из ряда вои выходящего беллетриста и как плохого мыслителя». «Десница» и «шуйца» — это сильные и слабые, с точки зрения Михайловского, стороны мировоззрения Толстого; «Анна Каренина», например, относится им к «шуйце», а статья «Прогресс и определение образования», отличающаяся «редкою трезвостью, ясностью и силою мысли» — в основном к «деснице» (Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. Гослитиздат, М., 1957, стр. 62—63, 121—122).

²⁰ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 478.

«делит» Толстого. Но граница деления проходит у него не там, где ее обычно видят.

Если в самом общем виде определить то, что получается у Плеханова в результате деления, это будет художественное творчество Толстого, с одной стороны, и его учение — с другой. Не мысль, не мировоззрение, а учение. Понятие «Толстой-мыслитель» не охватывает у Плеханова всего мировоззрения Толстого, а включает лишь то, что принято называть толстовством (доктрина непротивления злу насилем, утопическая программа нравственного самоусовершенствования, положение о противоположности «вечного» и «временного», духа и тела и т. п.). Вот почему как равнозначные с этим он употребляет понятия «Толстой-публицист» (в письме к В. Водозову), Толстой — «учитель жизни» (стр. 414) и Толстой-«толстовец» (стр. 361).

Понятие «Толстой-мыслитель» совпадает у Плеханова, в общем, с понятием «учение Толстого». И когда он проводит грань между Толстым-художником и Толстым-мыслителем, говорит о слабости и ограниченности последнего, то это означает у него неприятие учения Толстого, которое (в отличие от романов и повестей, хотя и проникнутых отчасти теми же идеями, но, наверное, никого не сделавших толстовцами) приносило в этот период, по словам В. И. Ленина, «самый непосредственный и самый глубокий вред».²¹

Одна из статей Плеханова о Льве Толстом («Смешение представлений») имела подзаголовок: «Учение Л. Н. Толстого», довольно точно определяющий содержание всего цикла. Вся серия статей в целом направлена против реакционных и утопических черт учения и шире — мировоззрения — Толстого и против легенды о Толстом как учителе жизни, которую усердно разрабатывал почти весь фронт реакционной и либерально-буржуазной критики, с которой сомкнулись и полумарксисты, подвизавшиеся на страницах «Нашей зари» и «Современного мира».

При всем том в деятельности Толстого-проповедника Плеханов находит не только слабые, но и сильные стороны. Как не приемлет он в романах Толстого то, что восходит к нравственно-религиозному учению, так ценит он в философско-религиозных трактатах и в публицистике писателя («Исповедь», «В чем моя вера?», «Не могу молчать!» и др.) критические и социалистические элементы. В каждой из статей цикла 1910—1911 годов наряду с противоречиями между Толстым-художником и Толстым — мыслителем и «учителем жизни» (первый — язычник и диалектик, второй — христианин и метафизик) Плеханов констатирует противоречия мысли писателя, такие положения, когда «Толстой перестает быть толстовцем» (стр. 402).

«Сила Толстого в обличении»²² — подчеркивал Плеханов и в своих статьях хорошо показал, как эта сильная сторона толстовской проповеди вступала в противоречие с духом его доктрины. Приведем два наиболее выразительных места из статей «Смешение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой».

«Лучшие страницы в сочинениях того периода деятельности Толстого, который можно назвать религиозным периодом, — пишет Плеханов в первой статье, — посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим. И несомненно, что эти лучшие страницы привлекли к нему горячее сочувствие многих и многих читателей. Пролетариат чтит в Толстом, едва ли не главным образом, автора этих замечательных страниц» (стр. 395). Но «когда Толстой писал эти страницы, он переставал быть толстовцем», замечает Плеханов, и «пролетариат, может быть, сам того не зная, уважает в Толстом не того человека, который учил жизни, а того, который отказывался от своего учения о жизни» (там же).

«Значение толстовской проповеди, — говорит Плеханов в другой статье, — заключалось не в ее нравственной и не в ее религиозной стороне. Оно заключалось в ярком изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существо-

²¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 104.

Делал такое различие между Толстым-художником и Толстым — мыслителем и проповедником и публицист ленинской школы С. Шаумян: так, в статье «Недоумение читателя» (1910) он выступает против тех, кто оплакивал «в лице Толстого не только и даже не столько великого писателя, художника и т. д., сколько великого мыслителя и учителя жизни», создателя надуманной религии и учения о непротивлении злу. Это не помешало Шаумяну увидеть, что и в «„Войне и мире“», и в „Анне Карениной“, и в других, даже самых ранних, его произведениях имеются многие элементы учения Толстого» — и не помешало потому, что он, так же как и Плеханов, употреблял слова «Толстой-мыслитель» в совершенно определенном смысле, подразумевая нравственно-религиозное учение писателя (С. Шаумян. Литературно-критические статьи. Гослитиздат, М., 1955, стр. 23, 30).

²² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 265.

вать высшие классы» (стр. 412). Говоря о таких сочинениях и выступлениях Толстого, как «Царство божие внутри нас», «Какова моя жизнь?» и «Не могу молчать!», в которых изображались истязания и казни крестьян, Плеханов пишет: «Он проповедует непротавление злу насиллем, а те его страницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиться оружием критики, а эти его превосходные страницы безусловно оправдывают самую резкую критику посредством оружия. Вот что — и только это — дорого в проповеди гр. Толстого» (там же).

Всячески оттеняя противоположность между миросозерцанием Карла Маркса и миросозерцанием Льва Толстого, выступая против «смешения представлений», т. е. против смешения учения Толстого с учением современного социализма, Плеханов отнюдь не отрицал известной близости Толстого — мыслителя и проповедника к социализму вообще. Конечно, речь шла не о новейшем научном социализме, а о старом утопическом социализме: так, в своем учении о собственности Толстой, по замечанию Плеханова, «кончает тем, что переходит на социалистическую точку зрения» (стр. 394), иной раз обнаруживая близость к народническому утопическому социализму.²³ В статье «Еще о Толстом» (1914) Плеханов отметил «сильное влияние на него социализма» (стр. 428), а в лекции «Толстой и Герцен» (1912) приходил к выводу: «Толстой считал, что социалисты исходят из христианского идеала, „не понимая его и кощунствуя над ним“... На самом же деле он сам усвоил себе некоторые черты социалистического идеала. Учение Толстого о непротавлении злу есть своеобразный отголосок того социалистического учения, которое мы встречаем у Герцена».²⁴

Плеханов, таким образом, ясно видел и неоднократно констатировал связь между мыслью, мировоззрением и творчеством Льва Толстого, а если все же проводил известную черту между Толстым-художником и Толстым-мыслителем, то это значило не деление толстовской деятельности на две части, «ничего общего друг с другом не имеющие», а вызванное условиями общественно-литературной борьбы отграничение утопического и реакционного учения Толстого от его художественного творчества — отграничение, к какому прибегали в этот период и С. Шаумян, и М. Горький,²⁵ и В. Воровский,²⁶ и С. Спандарян.²⁷

В заключение — еще одно соображение. Плеханов не мог отделять «непротавимой границей» мысль Толстого от его творчества еще и потому, что он считал деятельность Толстого — мыслителя и художника единой по своей классовой основе. Если Толстой-писатель для него «художник-аристократ» (стр. 192), который «был не только сыном нашей аристократии», но и «долго был ее идеологом» (стр. 406), «идеологом высшего класса, Гомером дворянского быта»,²⁸ то Толстой-мыслитель — это «аристократический „учитель жизни“» (стр. 513), «моралист из высших классов» (стр. 514), все учение которого проникает «сословный предрассудок» (стр. 407).

Давно уже отмечено, что здесь Плеханов впадает в грех вульгарного социологизма и что здесь — самое слабое место в его мыслях и суждениях о Толстом. Но будучи сами по себе ошибочными, эти суждения помогают понять ту истину, что деятельность Толстого — художника и мыслителя представлялась Плеханову единой по своей сути, независимо от того, создавал ли он свои сочинения кистью художника или пером публициста.

²³ Там же, стр. 256.

²⁴ Там же, стр. 6.

²⁵ Как и Плеханов, М. Горький получил приглашение от Комитета по устройству чествования Толстого и ответил на него отказом. «Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир, может быть», — писал он С. А. Венгеру в июле 1908 года и, мотивируя свой отказ, указывал на реакционность толстовской проповеди (М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29, Гослитиздат, М., 1955, стр. 74). Имея в виду эти и другие суждения Горького о Толстом, С. П. Бычков замечает: «Восторгаясь Толстым-художником, Горький находил резкие слова для оценки его учения, он неустанно разоблачал колоссальный вред для освободительного движения его непротавления злу». Но то, что считается правильным у Горького, осуждается исследователем у Плеханова, квалифицируется как отступление «от диалектики к метафизике и схоластике» (Л. Н. Толстой в русской критике, стр. L—LI, XLIV).

²⁶ «Вопросы литературы», 1958, № 9, стр. 37—40.

²⁷ С. С. Спандарян. Статьи, письма и документы. Госполитиздат, М., 1958, стр. 125—127.

²⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 271.

86

~~415~~
~~Г-67~~

Отт.
3129
(ИЧВ. КН. N2)